

К. Х. ДАНИШЕВСКИЙ

Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921)

<Фрагмент>

<...>

Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свиданий с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и о его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Неудовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководство операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование. Я передал об этом Владимиру Ильичу и высказался за отзыв Троцкого с этого участка.

И вот Владимир Ильич, выслушав меня, сказал:

— Троцкий — крупный человек, энергичный, им очень много сделано для привлечения старого офицерства в Красную армию. Троцким много сделано для организации Красной армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать зав-

тра — не скажешь. Надо внимательно за ним смотреть. Не будем его пока отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите. Тогда решим. Может быть, для подобной переписки установить специальный шифр. Пишите мне лично...

На меня эти слова Владимира Ильича подействовали чрезвычайно сильно. Я был смущен этой оценкой Троцкого, так как знал, что официально Владимир Ильич часто лично подкреплял авторитет Троцкого, говорил о его заслугах и т. д.

Сущность, даже общий тон выражений Владимира Ильича я передаю точно.

И началась своеобразная переписка с Владимиром Ильичем о положении на фронте, о недостатках, болячках фронта. Я писал Петерсону¹ (комиссару Латышской дивизии, старому большевику, теперь уже покойному) часто по-латышски; он передавал письма (прямо или в переводе) Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич внимательно следил за всем тем, что происходило на фронте. На каждое более или менее заслуживающее внимания явление или деловую просьбу он быстро реагировал своим личным распоряжением или ставил вопрос на обсуждение в Совете обороны.

Петерсон по этому поводу писал мне (к сожалению, не все письма сохранились):

«31 августа 1918 г. В своем последнем письме ты говоришь, что нелегко там, у вас. Нелегко также и здесь. У вас там — предательство, трусость, однако все же какой-то фронт. У нас здесь — преследование из-за угла, низость, гадость. Третьего дня — попытка покончить с Зиновьевым; вчера утром убийство Урицкого, вечером — нападение на Владимира Ильича. Подробности прочтешь в газетах. О ранении узнал поздно вечером. Дал распоряжение здесь оставшимся стрелкам быть готовыми на случай, если негодяи попытаются организовать восстание. Конечно, ничего подобного не случилось; наши противники слишком слабы, чтобы начать здесь открытую борьбу. Мы утопили бы их в крови.

Сегодня в час дня Ильич лежа читал газеты, и пока все еще есть надежда, что он выздоровеет...

Твое последнее письмо не успел передать Ильичу. Я должен был встретиться с ним сегодня, но... Предыдущее письмо он просил меня перевести и перевод передать ему. Так и сделал. Он очень внимательно несколько раз прочел, также вместе со Свердловым:

кое-что в связи с твоим письмом уже сделано. Сегодня вечером содержание твоего последнего письма передам Свердлову.

На террор ответим подобающе. Чтобы только Ильич выздоровел! Не могу даже в мыслях допустить, что это не случится».

9 сентября. «...Сообщи о положении на фронте, информируй о всех недостатках, которые можно было бы устранить отсюда. Что смогу, сделаю... Мне кажется, что Троцкого вам следует удерживать в Арзамасе и убедить его, что его самостоятельные действия могут только вредить. Свердлов вполне согласен, что Троцкого следовало бы оттуда отозвать, но в данный момент положение таково, что этого делать нельзя, ибо этим было бы задето его великое самолюбие, и все это могло бы кончиться скандалом.

Ильич чувствует себя совсем хорошо и хочет через неделю уже встать, хотя врачи хотят его еще удерживать в постели несколько недель».

18 сентября 1918 г. «Ильич уже встал, и скоро начну его снова регулярно посещать. Тогда все пойдет лучше. Попытаюсь убедить, чтобы Троцкого с фронта отозвали».

А на Казанском фронте становилось все напряженнее. Нервничал и делал глупости Троцкий. Владимир Ильич несколько раз обращается к Троцкому с резкими телеграммами-распоряжениями.

30 августа Владимир Ильич телеграфирует Троцкому о том, что надо принять особые меры против высшего командного состава, возможно, отдать под суд и даже расстрелять. Владимир Ильич удивлен и встревожен замедлением операций против Казани и указывает, что нельзя жалеть город².

7 сентября Владимир Ильич телеграфирует: «Уверен, что давление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное»³.

Пребывание Троцкого на свияжском участке подчас становилось буквально нетерпимым: он и «командовал», и делал «вылазки», был в окружении и притягивал к себе удары белогвардейцев, которым, конечно, было бы чрезвычайно лестно захватить в плен народного комиссара по военным делам. Как было условлено с Владимиром Ильичем, я дал ему телеграмму с описанием положения на свияжском участке и просил вызвать Троцкого в Москву. Копию этой телеграммы я направил Троцкому. Не знаю, под каким предлогом Троцкому было предложено выехать в Москву. Но факт тот, что через несколько дней Троцкий ночью подъехал к Арзамасу.

Мне было предложено немедленно явиться в его вагон. Приехал. Троцкий был буквально взбешен. Говорил в повышенном тоне:

«Вы подчинены мне и не имели права через мою голову направлять телеграммы правительству» и т. д. и т. п. в этом духе. Я ответил, что назначен членом Реввоенсовета тем же органом, что и он, что считаю своим партийным долгом информировать правительство и ЦК партии о всем том, о чем партия и правительство, по моему мнению, должны знать, чтобы успешно руководить военными операциями. Разговор все время велся в резких тонах. Это была моя первая стычка с Троцким на деловой почве. Троцкий не терпел никакой критики (теперь сказали бы — самокритики), его болезненно обостренное самолюбие не допускало никаких замечаний и требовало слепого согласия со всем, что он говорил, и со всем, что он делал. А может быть, Троцкий сам чувствовал, что за внешней поддержкой его авторитета скрывается настороженное внимание, не прошедшее политическое недоверие к нему со стороны Владимира Ильича, которое так отчетливо выявилось в словах Владимира Ильича о Троцком перед второй поездкой моей на Восточный фронт. Троцкий прекрасно знал о великолепном искусстве Владимира Ильича расставлять людей, использовать их именно там, где они могут принести наибольшую пользу, использовать до конца в интересах партии и революции каждого по его способностям и характеру, и даже тех, кому он не на сто процентов политически доверял. Он только к ним особенно пристально присматривался. Был всегда настороже. Таково было отношение Владимира Ильича и к Троцкому.

Но Троцкий знал, что Владимир Ильич не остановится перед жесточайшим ударом по партийцу, если окажется, что доверие, которое ему оказано, он не оправдывает и злоупотребляет им. Отсюда настороженность Троцкого, мнительность, раздражительность в случаях малейшей критики его действий, предложений, высказываний. Троцкий знал и то, что хотя Владимир Ильич и не забывает ошибок товарищей, но их прошлые ошибки не ухудшают его отношения к тем, кто осознал свои ошибки и работу в настоящем ведет правильно, с большевистской выдержкой и настойчивостью, по-партийному.

Об этом мне Троцкий лично говорил в 1921 году после дискуссии по вопросу о задачах и организации профессиональных союзов. В этом вопросе я, как и вся компартия Латвии, начиная

с 1919 года, стоял на неправильной точке зрения «огосударствления» профсоюзов. Я задал вопрос Троцкому о возможном изменении личных отношений ко мне Владимира Ильича. Но Троцкий, не задумываясь, немедленно ответил: «Этого не будет. Никогда Владимир Ильич не перенесет на личные отношения и оценку того или другого члена партии раздражение, возникшее в связи с дискуссией, если после дискуссии член партии действительно осознает ошибку, подчинится решениям партии и продолжит работу по-большевистски». Это было верно. Мы это видели неоднократно. Но у Троцкого было столько приходов и отходов от партии, столько больших и малых разногласий с большевизмом, в связи с чем к нему не могло не быть недоверия со стороны старых большевиков, что внешне хорошее отношение к нему Владимира Ильича, внешняя, официальная поддержка его авторитета правительством, ЦК партии и лично Владимиром Ильичем не могла его успокоить. В партии большевиков он чувствовал себя не в своей партии, не среди своих. Поэтому моя телеграмма Владимиру Ильичу Троцкого чрезвычайно раздражила, как и все прочие такого же характера устные заявления, телеграммы и письма старых большевиков Владимиру Ильичу о Троцком на фронте.

<...>

